

КРИСТИНА КАШОР

Дождь,
а не лимит ед

Кашор подняла планку
на головокружительную высоту.

Publishers Weekly

Оглавление

[Джейн, анлимитед](#)

[Выходные сведения](#)

[Ту-Ревьенс](#)

[Пропавший шедевр](#)

[Лжецы без границ](#)

[Глава, в которой кто-то теряет душу, а Шарлотта ее находит](#)

[Джейн, анлимитед](#)

[Бродяка, девушка и картина](#)

[От автора](#)

[Благодарности](#)

КРИСТИНА
КАШОР

Одаренная

Джейн, анлимитед

КРИСТИНА КАШОР

Джейн,
аңлымыт ед

АЗБУКА

Санкт-Петербург

Kristin Cashore
JANE, UNLIMITED
Copyright © 2017 by Kristin Cashore
All rights reserved

Перевод с английского Виктории Руденко
Оформление обложки Владимира Гусакова

Карты выполнены Юлией Каташинской

Кашор К.

Джейн, анлимитед : роман / Кристина Кашор ; пер. с англ. В. Руденко. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. ISBN 978-5-389-16416-1

16+

В жизни юной Джейн началась черная полоса. Девушку выгнали из колледжа, а любимая тетьа, рано заменившая ей погибших родителей, пропала без вести в антарктической экспедиции. И вдруг Джейн встречает «тень из прошлого» — богатую и своенравную Киран Трэш, вернувшуюся на родину, чтобы провести Праздник весны в Ту-Ревьенсе, таинственном фамильном поместье. Конечно же, Джейн моментально соглашается составить компанию старой знакомой. Потому что больше всего на свете боится жизни, лишенной ярких событий. А еще потому, что отлично помнит прощальный наказ тети: «Если кто-нибудь когда-нибудь пригласит тебя в Ту-Ревьенс, ты поедешь».

И конечно же, она не подозревает, как круто изменится ее судьба в Доме Трэшей, где не бывает ничего невозможного.

Мировую известность Кристине Кашор принес ее дебютный роман «Одаренная», моментально ставший бестселлером и удостоенный многих наград, в том числе Мифопоэтической премии фэнтези.

Впервые на русском!

© В. А. Руденко, перевод, 2019

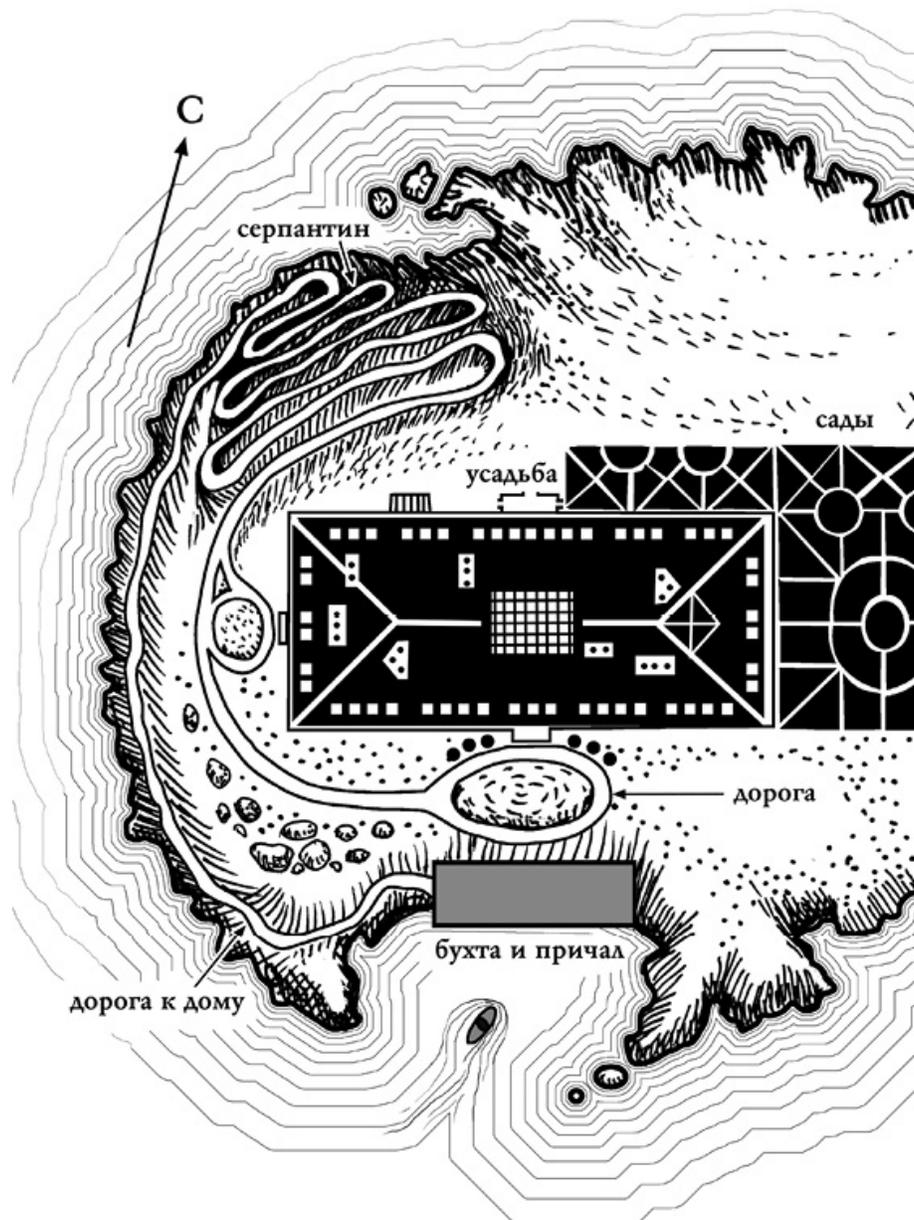
© Издание на русском языке,
оформление.

ООО «Издательская Группа

„Азбука-Аттикус“, 2019

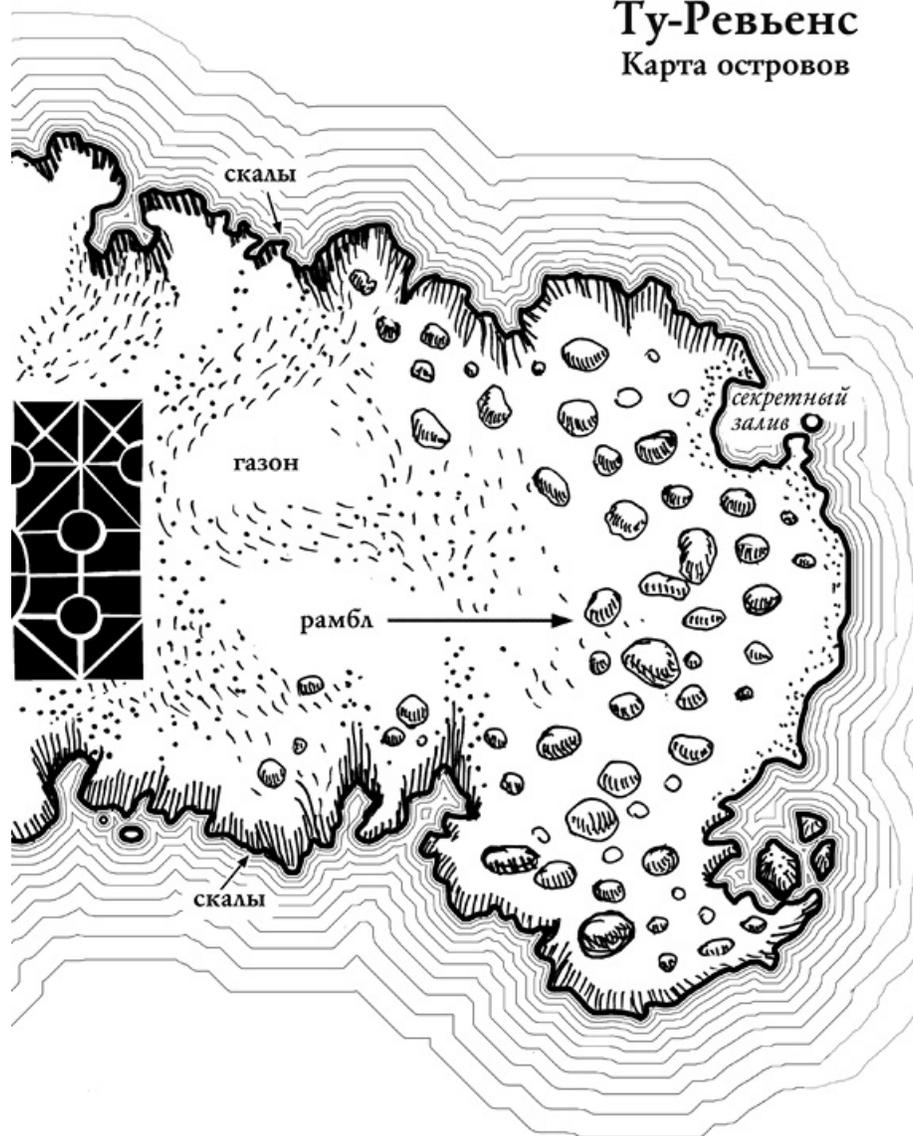
Издательство АЗБУКА®

*Посвящается всем тетушкам,
особенно — моим*

Ту-Ревьенс

Карта островов

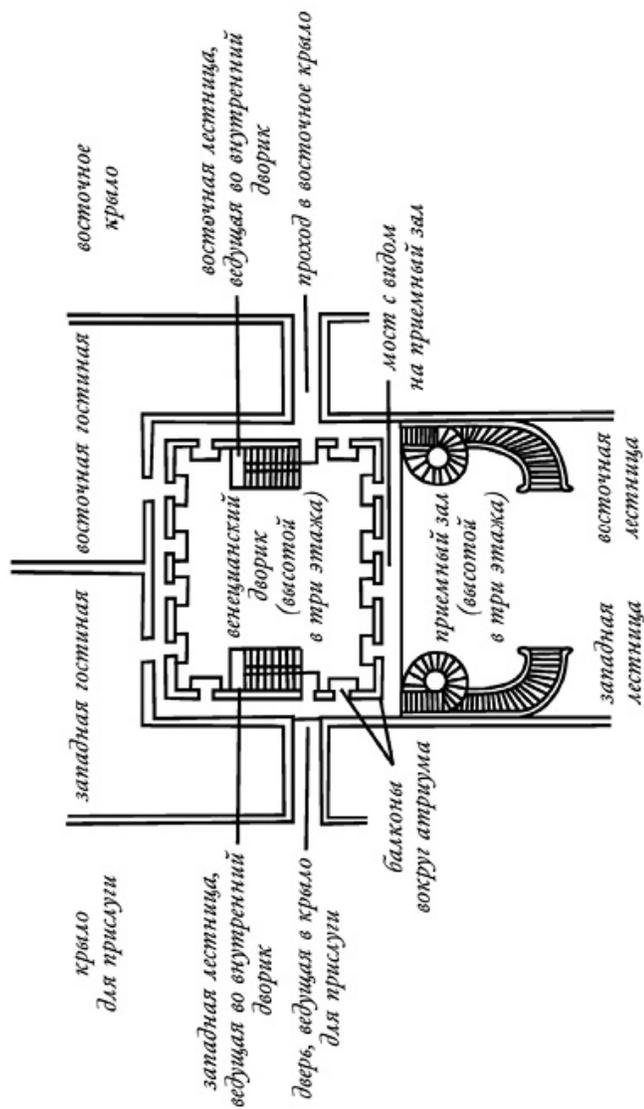

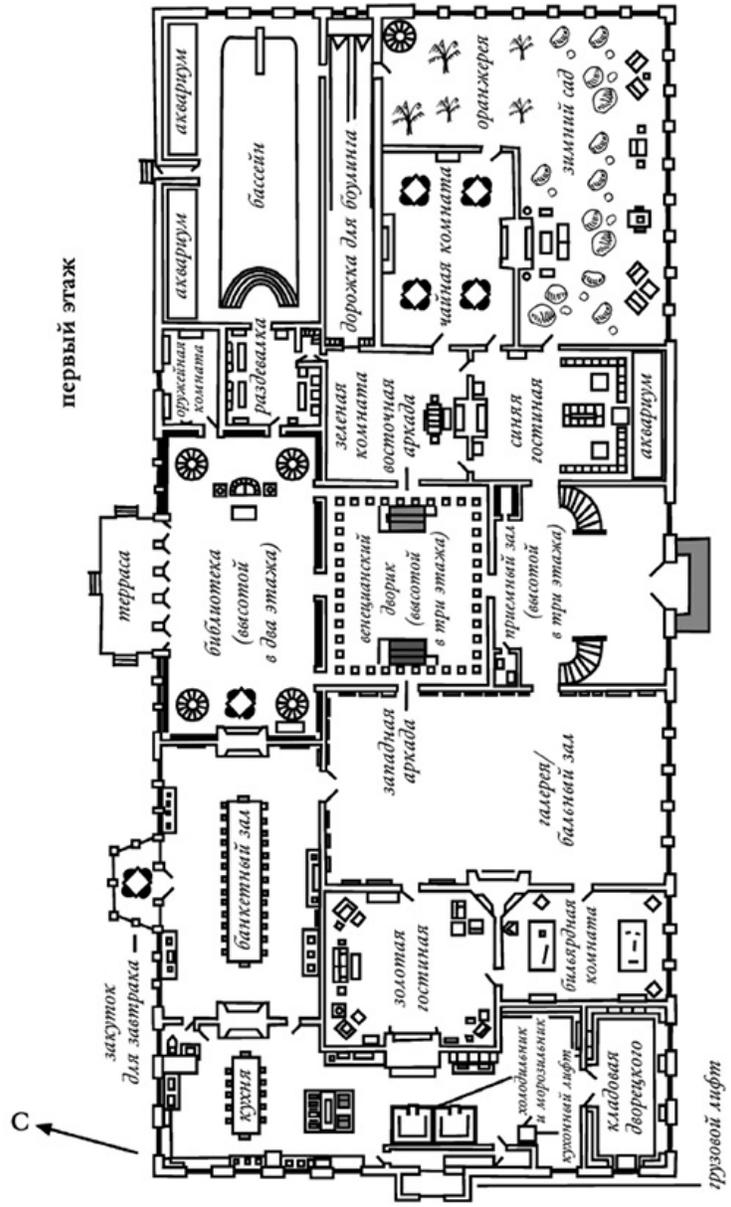
Атлантический океан

Ту-Ревьенс

Внутреннее убранство дома

план третьего этажа

ТУ-РЕВЪЕНС

Дом на утесе — как корабль, исчезающий во мгле. Шпиль — мачта, лес вокруг — беспокойные волны, набегающие на судно. А может, корабли ей теперь повсюду мерещатся? Ведь сейчас девушка на борту яхты и не может думать ни о чем другом. Волна подхватывает судно, Джейн теряет равновесие и неуклюже падает. Другая волна медленно накатывает со стороны иллюминатора.

— Я мало ходила на яхтах. Думаю, у тебя в этом опыта побольше, — говорит она спутнице.

Киран лежит на спине, прикрыв глаза, и никак не реагирует на слова Джейн. Нет, это не морская болезнь. Всего лишь скука.

— Как и у моей тетушки Магнолии, — продолжает Джейн.

— Моя семейка когда-нибудь сведет меня в могилу! — наконец произносит Киран. — Надеюсь, мы утонем.

Яхта называется «Киран».

В иллюминатор салона Джейн наблюдает за Патриком. Промокший до нитки капитан суетится на палубе, безуспешно пытаясь набросить на кнехт швартовочный канат. Белый парень, чуть старше двадцати, с ежиком темных волос, густым зимним загаром и ярко-голубыми глазами — Джейн сразу обратила на них внимание. Видимо, кто-то должен был встречать его на причале, чтобы подсобить, да так и не появился.

— Киран, а давай поможем Патрику?

— Поможем с чем?

— Ну, не знаю... Пришвартоваться.

— Шутишь? Патрик отлично со всем справляется сам!

— Так уж и со всем?

— Патрику никто не нужен, — отрезала Киран. — Совершенно!

— Ладно, — пожимает плечами Джейн, теряясь в догадках.

Интересно, реакция Киран — ее обычный сарказм или все-таки между ними с Патриком что-то есть? Из нее-то и слова не вытянешь — бывшая репетиторша порой просто невыносима.

Тем временем Патрик наконец успешно набрасывает канат и, демонстрируя красивое тренированное тело, аккуратно подтягивается, чтобы причалить. Похоже, он в самом деле может все. Еще как может.

— А этот Патрик — он кто?

— Мы росли вместе — я, Рави и Патрик Йелланы. А потом он и его младшая сестра Айви работали на моего отца. Его родители тоже работали на папу, пока не погибли в автокатастрофе пару лет назад, во Франции. Ой, прости, — она бросила на Джейн опасливый взгляд, — не хотела тебе напоминать об аварии.

— Ничего, — машинально отвечает Джейн, пытаюсь собрать воедино все эти имена и события.

Киран — англо-американка по отцовской линии и англо-индианка по материнской. Ее родители развелись, отец женился повторно. Ко всему прочему, она неприлично богата. У Джейн раньше не было друзей, которые росли вместе со своими слугами. «А Киран мне подруга? — задумывается она. — Или просто знакомая? Бывшая наставница?» Киран на четыре года старше, какое-то время она училась в одном колледже с Джейн и давала ей, старшекласснице, частные уроки литературного мастерства.

Джейн никогда не видела Рави, но знала, что это брат-близнец Киран, часто навещавший ее в колледже. С приездами брата Киран заметно менялась: приходила на занятия позже, с сияющим лицом, и была куда менее требовательной, чем обычно.

— Перевозкой на остров занимается Патрик? — спрашивает Джейн.

— Не только, — отвечает Киран, — еще пара человек.

— Они с сестрой живут в вашем доме?

— Все в нем живут.

— Ну и как, приятно вернуться в родные пенаты? Повидаться с друзьями детства...

Джейн забрасывает удочку, провоцируя подругу на откровенность, и размышляет о том, какие отношения со слугами складываются тогда, когда человек настолько богат. Но Киран не спешит отвечать, поджав губы и уставившись в одну точку. Джейн начинает беспокоиться, не допустила ли она бестактность.

— Раньше, встречая Патрика после долгой разлуки, я понимала, что наконец-то вернулась домой.

— Теперь нет?..

— Все сложно. — Киран пожимает плечами. — Давай не будем об этом, вдруг он услышит.

Патрику понадобились бы сверхспособности, чтобы уловить хоть слово из их разговора, но Джейн не упорствует в своем любопытстве. Сквозь запотевшее от ливня стекло она рассматривает силуэты других судов, больших и маленьких, стоящих в крохотной бухте. И суда, и бухта, и все восточное побережье острова с венчающей его громадой особняка, и каждое колышущееся деревце на этом острове — все принадлежит отцу Киран, Октавиану Трэшу Четвертому.

— Как мы доберемся до Дома, — спрашивает Джейн, заметив, что к побережью нет ни одной дороги, — наденем акваланги?

Киран фыркает и вдруг одобряюще улыбается:

— Поедем на машине. Знаешь, я скучала по твоей потешной манере разговаривать. И одежда у тебя смешная.

В рубашке с золотистым зигзагообразным узором и вельветовых брюках винного цвета Джейн напоминает

аквариумную рыбку тетушки Магнолии — не то клоуна, не то морского окуня. Девушка ловит себя на мысли, что каждый раз, выбирая одежду, вспоминает о тете.

— Понятно. А когда намечается Праздник весны? — интересуется Джейн.

— Не помню... — Киран задумывается. — Может, послезавтра? Или послепослезавтра... Скорее всего, на выходных.

В честь каждого времени года Октавиан Трэш устраивает торжества в своем Доме у моря. Из-за этого Киран и приехала сюда. Она всегда приезжает домой на Праздник весны.

Но в этот раз, по неведомым Джейн причинам, Киран позвала ее с собой, хотя с их последней встречи прошел почти год — с тех пор, как Киран закончила колледж и уехала. Бывшая репетиторша зашла в книжный магазин, где работала Джейн, чтобы, как и все приезжие выпускники, воспользоваться местным туалетом. Тут-то они и встретились. Оцепеневшая Джейн замерла у информационной стойки, глядя на Киран. На плече у той висела внушительных размеров сумка. Со скучающим видом девушка направлялась в сторону Джейн. Если бы это была не Киран, а любая другая тень из прошлого, Джейн непременно бы отвернулась, закрыла лицо темными кудрями и застыла изваянием, надеясь, что ее не заметят. Однако, увидев Киран Трэш, Джейн мгновенно вспомнила обещание, которое тетушка Магнолия клещами вытасила из нее перед своей последней фотоэкспедицией.

— О, Дженни! Это ты! — сказала в тот день Киран, остановившись у стойки. Она покосилась на татуировку медузы, украшающую запястье Джейн. Из-под рукава выглядывали щупальца.

— Киран. — Джейн непроизвольно дотронулась до собственной руки. Татуировка была свежей. — Привет.

— Учишься?

— Нет, — ответила Джейн, — бросила. Работаю. В книжном, — добавила она.

Она озвучивала очевидное, на самом деле ей вовсе не хотелось перетирать эту тему. Однако Джейн уже научилась поддерживать пустые, ничего не значащие разговоры, заполняя тишину фальшивым энтузиазмом, используя свои неудачи для поддержания беседы, лишь бы не допустить следующего вопроса. Но Киран все-таки спросила:

— Как тетя?

Железное самообладание, уже на уровне мышечной памяти. И короткий безжалостный ответ:

— Умерла.

— О-о, — Киран сузила глаза, — тогда неудивительно, что ты бросила учебу.

Ее реакция была не такой сочувственной, как у большинства, и потому не так тяготила. Всякий раз, когда кто-то говорил об этом, у Джейн першило в горле от досады.

— Я бы все равно бросила. Ненавидела школу. Одноклассники — ужасные снобы, а мне не давалась биология.

— Профессор Гринхут? — спросила Киран, пропустив мимо ушей ее выпад про снобов.

— Ага.

— В узких кругах известный как пафосный придурок.

Вопреки ее худшим опасениям, Джейн улыбнулась. Гринхут считал, будто его ученики уже знают биологию от и до. Возможно, правильно считал: ведь во всем классе только у Джейн возникли трудности с его предметом. Тетушка Магнолия, которая вела факультативы по морской биологии, всегда рассказывала о своем предмете в захлеб, не ограничиваясь рамками школьной программы. «Гринхут просто заносчивый самодовольный осел, — однажды бросила она в сердцах и добавила: — Да разве можно

обижаться на ослика Иа-Иа? Он пытается выжить тех учеников, которые не собираются поступать в престижные вузы». — «И ему это удастся», — вздохнула Джейн.

— А ты не хочешь доучиться где-нибудь в другом месте? Подальше отсюда. Иногда бывает полезно уехать из дома.

— Ну да. Возможно.

Джейн всю жизнь прожила в этом маленьком университетском городке на холмах. Для преподавательских детей обучение было бесплатным. Может быть, Киран права, и следует поискать другую школу. Обычную государственную, где она не будет чувствовать себя на фоне других учеников такой... простушкой, что ли. В прежней школе учились дети со всего мира, и у их родителей было до неприличия много денег. Ее соседка по комнате проводила лето во французской глубинке. Когда она узнала, что в старших классах Джейн брала уроки французского, то загорелась и принялась разговаривать с ней по-французски о городах, про которые Джейн и слыхом не слыхивала, и о сырах, которых она в жизни не пробовала.

Ей не хотелось ходить на занятия. Она наблюдала за всем, что на них происходит, как будто со стороны. Собственная жизнь виделась жалкой и никчемной. В конце концов девушка стала чаще ночевать у тети Магнолии, чем в своей комнате общежития. Казалось, она проживает не свою биографию, а какую-то из ее параллельных версий, которая ей совсем не нравится. Джейн ощущала себя кусочком пазла, не подходящего ни к одной картинке.

— Ты можешь найти что-то связанное с искусством и продолжить учебу там. Помню, ты делала крутые зонтики.

— Это не искусство. Это всего лишь самодельные зонтики.

— Ладно, не важно. Где сейчас живешь?

— В квартире у себя в городке.

— В той же самой, где вы жили с тетушкой Магнолией?

— Нет, — сказала Джейн с долей сарказма, который, впрочем, остался незамеченным. Разумеется, она больше не могла себе позволить содержать ту квартиру.

— Я живу вместе с тремя выпускницами.

— И как они тебе?

— Славные, — соврала Джейн.

Ее соседки по квартире были намного старше Джейн и настолько высокомерны, настолько сосредоточены на своих высокоинтеллектуальных задачах, что до уборки, готовки и прочих мирских забот их руки сроду не доходили. Все равно что жить с напыщенной самодовольной Совой из сказки про Винни-Пуха, да еще и неряшливой, и все это помноженное на три. Джейн почти никогда не удавалось остаться одной. В спальне было тесно, как в спичечном коробке, что никак не способствовало изготовлению зонтиков — для этого требовалось пространство. Невозможно было пошевелиться, чтобы не угодить себе между ребрами спицей. Часто она засыпала прямо за работой, с незаконченным зонтиком у изголовья.

— Мне нравилась твоя тетя, — сказала Киран. — Да и ты тоже, — добавила она как раз в тот момент, когда Джейн перестала размышлять о своей жизни и рассматривала Киран, которая несколько изменилась с их последней встречи. Киран передвигалась так, словно одновременно делала не меньше четырех дел.

— Как тебя сюда занесло? — спросила Джейн.

Киран вяло пожала плечами:

— Да просто гуляю.

— А где остановилась? — поинтересовалась Джейн.

— В городской квартире.

Городские апартаменты семьи Трэш — два верхних этажа особняка на Манхэттене с видом на Центральный парк — находились довольно-таки далеко, чтобы оказаться здесь, «просто гуляя».

— Но меня позвали домой, на остров, — добавила Киран. — На Праздник весны. Какое-то время можно будет задержаться — пока у Октавиана хорошее настроение.

— Понятно, — пробормотала Джейн, пытаюсь вообразить, каково это — иметь отца-мультимиллионера, на собственном острове да еще и в хорошем настроении. — Приятно провести время!

— Что это у тебя? — спросила Киран, разглядывая татуировку. — Кальмар?

— Медуза.

— Можно посмотреть?

Золотисто-голубая медуза украшала предплечье Джейн. Тонкие длинные щупальца тянулись вниз, к запястью, и Джейн часто подворачивала рукава рубашки, чтобы люди обращали на нее внимание и просили показать. Честно говоря, ей это нравилось. Джейн задрала рукав и продемонстрировала Киран картинку. Та смотрела на татуировку с неменяющимся выражением:

— Гм. Больно было делать?

— Еще бы, — ответила Джейн.

Вспомнилось, что ей пришлось три месяца подрабатывать в ближайшей забегаловке, чтобы заплатить мастеру.

— Весьма утонченно. Кто разрабатывал дизайн?

— Ее рисовали по фотографии, которую сделала тетя, — ответила Джейн, покрасневшись от гордости. — Медуза из заводи Тихого океана.

— Твоя тетя успела увидеть татуировку?

— Нет.

— Время бывает редкостной сволочью. Пойдем выпьем.

— Что? Я? — удивилась Джейн.

— Когда освободишься.

— Но я ведь несовершеннолетняя...

— Значит, куплю тебе молочный коктейль.

Той ночью в баре Джейн рассказала Киран, каково это — оплачивать аренду квартиры, медицинскую страховку и покупать продукты на зарплату в книжном магазине за неполный рабочий день; как ей порой казалось, что тетя Магнолия просто уехала в очередную экспедицию и вот-вот должна вернуться, и тогда все станет как прежде; о том, как она каждый раз делала крюк, лишь бы не видеть тот дом, в котором раньше жила с тетей. Джейн никому не собиралась всего этого говорить, но Киран была из тех времен, когда жизнь еще имела смысл, и не смогла удержаться. Сейчас ее существование было невыносимым. Она всего лишь позволила себе выплеснуть это наружу.

— Брось работу, — посоветовала Киран.

— А жить на что? — с досадой ответила Джейн вопросом на вопрос. — Знаешь ли, не у каждого в кошельке лежит папина кредитка с неограниченным лимитом.

Киран сделала вид, что сказанное к ней не относится.

— Ты выглядишь не особо счастливой, — сказала она.

— Счастливой?! — воскликнула Джейн. — Какое там!

Наблюдая за тем, как Киран хлещет виски, Джейн не на шутку разозлилась.

— У самой-то у тебя какая работа?

— У меня нет работы.

— То-то же. По тебе тоже с виду не скажешь, что ты счастлива.

К удивлению Джейн, Киран громко провозгласила: «За это я и выпью!» — и, махом осушив стакан, перегнулась

через барную стойку и принялась шерудить в контейнере с бумажными зонтиками. Выбрав голубой в черную полосочку, под цвет рубашки Джейн и щупалец ее медузы, она покрутила его двумя пальцами и вручила приятельнице:

— Защита.

— От чего? — спросила Джейн, осторожно рассматривая хрупкую поделку.

— От всякого дерьма.

— О! Значит, все это время я могла остановить это дерьмо с помощью зонтика из коктейля?

— Ну, может, он спасает только от очень маленького дерьма.

— Спасибо. — Впервые за вечер Джейн улыбнулась.

— Так вот, работы у меня нет, — повторила Киран, на несколько секунд задержала взгляд на Джейн, а затем начала оглядываться. — Время от времени я просматриваю вакансии, но не нахожу ничего подходящего и, если честно, испытываю облегчение.

— А в чем проблема? У тебя есть хороший диплом. Ты разговариваешь на иностранных языках. Кажется, на семи?..

— Ты говоришь прямо как моя мама! — сказала она, скорее устало, чем раздраженно. — И как мой папа, и как мой брат, и как мой парень, и как любой, с кем я разговаривала, черт бы их побрал!

— Я просто спросила.

— Хорошо, я испорченная девчонка с богатыми родителями, которая может себе позволить бесконечно хандрить и жалеть себя, бедненькую, безработную. Я поняла.

Это звучало смешно, потому что точь-в-точь повторяло мысли Джейн. Но после того, как Киран сама это озвучила, Джейн почти перестала злиться.

— Здравствуйтесь! Не пытайтесь накормить меня дерьмом, я вооружена! — шутливо сказала Джейн,

размахивая своим бумажным зонтиком.

— Знаешь, чем мне нравилась твоя тетя? — спросила вдруг Киран. — Она всегда излучала уверенность, будто точно знала, что собирается делать дальше. Рядом с ней это казалось чем-то самым собой разумеющимся — всегда знать верное решение.

Да. Джейн хотела ответить, но правда в словах Киран была столь пронзительной, что встала комом в горле. «Тетушка Магнолия», — про себя произнесла она, задыхаясь.

Киран беспристрастно наблюдала за страданиями Джейн.

— Бросай свою работу и поехали со мной в Ту-Ревьенс, — предложила она. — Погостишь столько, сколько захочешь. Октавиан возражать не станет. Да он, черт возьми, купит тебе все эти прибабасы для изготовления зонтиков. Сиди и мастери в свое удовольствие. Познакомлю тебя со своим парнем. И братец мой, Рави, тоже там. Поехали! Что тебя здесь держит?

Некоторые богачи бывают на редкость бестактными. Киран ведь даже не заметила, что поставила Джейн в неловкое положение. Какую ценность имели все ее проклятые старания хоть как-то свести концы с концами, если почти чужой человек своим брошенным вскользь приглашением мог обеспечить ей куда более приятное существование, чем она сама?

Но отказываться было нельзя. Из-за тетушки Магнолии. Джейн пообещала.

— Дженни, родная, — сказала тетушка Магнолия как-то раз, когда Джейн проснулась в немыслимую рань и пошла на кухню, где и обнаружила сидящую за столом тетю, — ты не спишь?

— Это ты не спишь, — ответила девушка, поскольку у них в семье бессонницей страдала именно Джейн.

Она пристроилась на край тетушкиной табуретки, положила голову ей на плечо и прикрыла глаза, как будто все еще спала. Тетя Магнолия была такой же высокой, как Джейн, поэтому класть голову ей на плечо было удобно. Тетушка сунула Джейн свою чашку с чаем и положила ладони девушки на горячий фарфор, чтобы та согрелась.

— Помнишь свою прежнюю репетиторшу по литмастерству? — спросила она.

— Киран Трэш? Конечно, — ответила Джейн, шумно отхлебнув.

— Она когда-нибудь говорила о своем доме? — спросила тетя.

— О том, с французским названием? На острове ее отца?

— Ту-Ревьенс, — сказала тетушка Магнолия. Джейн немного знала французский и понимала, что это означает: «Ты возвращаешься».

— Точно, дорогая. Я хочу, чтобы ты мне кое-что пообещала.

— Ладно.

— Если кто-нибудь когда-нибудь пригласит тебя в Ту-Ревьенс, ты поедешь.

— Хорошо. Гм, а почему?

— Я слышала, что это необычное место. Место возможностей.

— Тетя Магнолия, — фыркнула Джейн и опустила чашку, чтобы посмотреть ей в глаза. Они были карие, но на одном отпечатались забавное голубое пятнышко, похожее на крохотное облачко или на мутную маленькую звезду.

— Тетя Магнолия, — повторила Джейн. — Что за ерунду ты говоришь?

Тетя прочистила горло, а затем обняла Джейн:

— Ты ведь знаешь, порой мне приходят в голову безумные идеи.

Тетушка была единственной, кого отправляли в неожиданные срочные путешествия — как, например, в какое-то Богом забытое местечко у Пальчиковых озер, где ночлег был нелегальным и совсем не ловила связь. Они вместе читали книги под фонарем, слушали, как мотылек бьется об их крохотную палатку, а потом засыпали под пение гагары. А неделю спустя тетя Магнолия отправилась фотографировать акул в Японию. Джейн поразили сделанные там снимки. Она видела на них не акул, а свою тетю, притаившуюся с камерой в полной тишине, под толщей ледяной воды, ожидающую появления какого-нибудь существа, которое могло оказаться диковинным, а то и вовсе инопланетным — настолько странными выглядели подводные обитатели.

— Ты просто невозможная, тетя Магнолия. И удивительная.

— Но я ведь не прошу тебя о многом, правда?

— Да.

— Тогда дай мне только одно это маленькое обещание.

— Ладно, — ответила Джейн. — Хорошо. Я обещаю: если меня когда-нибудь пригласят в Ту-Ревьенс, я не откажусь. Так почему ты не спишь?

— Да сны какие-то странные снились.

А потом, через несколько дней, тетя отправилась в экспедицию в Антарктиду. Поднявшаяся полярная буря застала ее слишком далеко от лагеря, и она насмерть замерзла. За прошедшие четыре месяца ничто не могло приблизить Джейн к тете больше, чем приглашение Киран.

Ту-Ревьенс. Ты возвращаешься.

Вдали от дома к обычным заботам и опасениям прибавляются новые, непривычные тревоги. Знает ли отец Киран, что вместе с ней придет и Джейн? Не окажется ли она третьей лишней на встречах Киран со своим парнем? Как вообще люди ведут себя с теми, у

кого есть собственные острова? Джейн стоит в салоне яхты по имени «Киран», медленно и глубоко дыша, чтобы хоть немного успокоиться. Так ее учила тетя Магнолия, когда она была совсем крохой — лет пяти или шести, а может, семи. Тетушка считала, что такая дыхательная гимнастика поможет Джейн научиться нырять с аквалангом, но до сих пор ей так и не довелось этого попробовать.

«Вдох», — говорит про себя Джейн и ощущает, как живот наполняется воздухом. «Выдох», — спина выпрямляется, плечи опускаются. Тетя Магнолия никогда не волновалась. Она просто шла вперед. Джейн вдруг почувствовала себя героиней романа Эдит Уортон или кого-то из сестер Бронте.

«Я молодая женщина в тяжелых жизненных обстоятельствах. У меня нет ни родных, ни перспектив. И вдруг богатая семья приглашает меня в свой роскошный особняк. Может, это станет путешествием всей моей жизни?»

Теперь ей нужно выбрать подходящий случаю зонтик. Интересно, Киран удивится? Надо что-нибудь не слишком нелепое... Джейн пересекает палубу, с трудом держа равновесие, открывает один из своих ящичков с багажом и мигом обнаруживает то, что нужно. На темно-коричневом атласном куполе миниатюрного зонтика красуются роскошные медные розы. Латунные крепления сделаны из старых деталей, но довольно прочны, а наконечник такой острый, что на него запросто можно кого-нибудь насадить. Джейн открывает зонтик. Раздается щелчок, спицы скрипят и выгибаются, ткань топорщится.

«Это просто глупый кривобокий зонтик, — мысленно ругается Джейн, неожиданно для себя смахивая с глаза слезинку. — Тетя Магнолия! Что я тут делаю?!»

В каюту заглядывает голова Патрика. Его светлые глаза быстро зыркают в сторону Джейн, затем

останавливаются на Киран.

— Приплыли, Кир, — говорит капитан. — Машина уже здесь.

Он ловит ее взгляд, и Киран поспешно отворачивается.

— Вещи не бери, — небрежно бросает она, — Патрик потом принесет.

— Ладно, — пожимает плечами Джейн. Между этими двоими определенно что-то происходит. — А кто твой парень?

— Колин. Работает вместе с моим братом. Да ты его скоро увидишь! А что?

— Да просто.

— Ты сама сделала этот зонтик?

— Ага.

— Я так и подумала. Как-то сразу о тебе напоминает.

Еще бы. Он смешной и сделан в подпольных условиях.

Киран и Джейн ступают под дождь. Патрик протягивает Джейн ладонь, а она случайно хватает его за предплечье. Он промок до нитки. Джейн успевает заметить, что у Патрика Йеллана красивые руки.

— Смотри под ноги, — говорит он.

И вот Киран и Джейн со всех ног мчатся к огромной черной машине, стоящей у причала.

— Это Патрик позвал меня приехать домой на Праздник весны! — кричит Киран сквозь шум дождя.

— Что? — взволнованно переспрашивает Джейн, пытаясь прикрыть Киран крохотным зонтиком, но в итоге пускает себе за шиворот поток ледяной воды. — Правда? А почему?

— Черт его знает. Сказал, что должен кое в чем признаться. Он всегда так говорит, когда больше нечего сказать.

— Вы... хорошие друзья?

— Прекрати накрывать меня своим зонтиком, — переводит тему Киран, протягивая руку к дверце

машины. — Только сильнее мокнем.

Оказывается, есть дорога, идущая от самого залива, которая огибает остров по часовой стрелке и продолжается чередой крутых поворотов, постепенно поднимающихся все выше по скале.

Езда на «роллс-ройсе» под дождем не приносит никакого умиротворения. Он слишком огромен для серпантина, так что все время кажется, что вот-вот сорвется. Женщина за рулем управляет машиной словно поездом. Ее лицо невозмутимо и чем-то напоминает бульдога. Стального цвета волосы и немигающие глаза, тоже отдающие сталью, бледная кожа с высокими скулами. На ней черный костюм инструктора по йоге, поверх повязан кухонный фартук со свежими пятнами. От ее пристального рассматривания в зеркало заднего вида Джейн становится не по себе, и она наклоняет голову, прикрывая лицо буйными кудрями.

— Миссис Вандерс, у нас снова нехватка кадров? — спрашивает Киран. — Кстати, на тебе фартук.

— Кое-кто из гостей прибыл без предупреждения. Праздник весны уже послезавтра. У Кока истерика.

Киран откидывается на спинку сиденья:

— Что за гости?

— Фиби и Филипп Окада, — начинает перечислять миссис Вандерс, — Люси Сент-Джордж...

— Мой брат сведет меня с ума, — перебивает ее Киран.

— А сам он еще не приехал, — со значением добавляет миссис Вандерс.

— Да уж... А грабители банков будут?

— Понятия не имею.

— Грабители? — удивляется Джейн.

— Хорошо, — отвечает Киран, не обращая внимания на Джейн. — Я вас предупредила о моей подруге. Надеюсь, вы приготовили ей хорошее место? Дженни нужно пространство.

— Мы выделили для Джейн Красный съют¹ в восточном крыле. К нему прилегает туалетная комната. К сожалению, вида на море нет.

— Это далеко от меня, — ворчит Киран, — ближе к Рави.

— Ну, у нас еще остались спальные мешки, — говорит миссис Вандерс, и лицо ее неожиданно смягчается, — в них тоже можно переночевать. В юности вы с Рави и Патриком так и делали. А Айви (тогда еще совсем малышка, помнишь?) увязывалась за вами.

— Мы поджаривали зефирки в камине у Рави, — объясняет Киран Джейн, — а мистер Вандерс и Октавиан ужасно волновались и кружили над нами в полной уверенности, что мы обязательно обожжемся.

— Или сожжете Дом, — подхватывает миссис Вандерс.

— А потом Айви заболела, объевшись сладостей, — задумчиво продолжает Киран. — Я спала между Рави и Патриком на печи и таяла, как конфета.

Память настагает нас неожиданно, беспощадная в своей остроте. У нее свои правила. И вот уже Джейн сидит с тетей Магнолией в красном кресле рядом с обогревателем, который шипит и позвякивает. Они читают о Винни-Пухе и его доме на Пуховой опушке. «Спой Хо! Для жизни медведя!»

Это тетя Магнолия напевает, когда Кристофер Робин собирается в «искспедицию» на Северный полюс. Иногда, когда тетушка устает, они с Джейн читают про себя, плотно прижавшись друг к дружке. Джейн было пять, потом шесть, семь, восемь... Если тетя сушила на батарее носки, в комнате пахло овечьей шерстью...

Машина подъезжает к Дому сзади. Теперь Джейн видит, что это никакой не корабль. Это самый настоящий дворец!

Миссис Вандерс открывает небольшую, чуть выше человеческого роста, дверцу, устроенную в огромной дверице, сквозь которую спокойно мог бы пройти даже слон.

И никаких тебе пышных приветствий. Джейн и Киран входят в огромную прихожую с высоким потолком и клетчатым полом, напоминающим шахматную доску, на котором Джейн сразу оставляет череду мелких лужиц. Миссис Вандерс захлопывает дверь с таким грохотом, что у девушки чуть не лопаются барабанные перепонки. Джейн рассеянно потирает ухо.

— Добро пожаловать в Ту-Ревьенс, — угрюмо провозглашает миссис Вандерс. — И держись подальше от крыла слуг. На кухне гостям делать нечего, а западные чердаки доверху забиты всяким хламом, на них опасно. Тебе следует довольствоваться своими комнатами, Джейн, и общими комнатами на первом этаже.

— Ванни, — примирительно говорит Киран, — не будь злодейкой.

— Я просто не хочу, чтобы твоя подруга ненароком проткнула себе ногу каким-нибудь гвоздем на чердаке, — объясняет миссис Вандерс, гордо проходит сквозь комнату и исчезает за дверью. Джейн, не зная, было ли это приглашением идти следом, делает неуверенный шаг, но Киран останавливает ее:

— Думаю, Ванни пошла в ту самую запретную кухню, — улыбается она. — Давай лучше покажу тебе окрестности. Вот это — зал приемов. Впечатляет? Справа и слева — лестницы, они ведут наверх — на второй этаж, а оттуда — на третий.

Стена кажется такой высокой, что у Джейн кружится голова, когда она смотрит вверх. На втором и третьем этажах вдоль стены тянутся длинные-длинные балконы, а арочные проемы между ними делят ее на большие фрагменты. Там вполне могли бы выступить